Журнал правовых и экономических исследований.
Journal of Legal and Economic Studies, 2018, 4: 68–93
© В.Б. Малинин, 2018

УДК (343:094.4):0.041

V.B. Malinin

THE DRAFT NEW CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION. CHAPTER 7. CIRCUMSTANCES EXCLUDING THE CRIMINALITY OF A DEED

Vasiliy Malinin – Professor, the Department of Criminal Law and Procedure, Law Faculty, Pushkin Leningrad State University, Doctor of Law, Full Professor, Saint-Petersburg; **e-mail: Malininvasily@mail.ru**.

The present research paper is a continuation of a series of articles on the new Criminal Code worked out by the author on the basis of a 36-volume "Encyclopedia of the Criminal Law" being published by himself with the participation of more than 300 co-writers, scientists from Russia and CIS countries, with more than 60 foreign criminal codes being analyzed. The article is devoted to Chapter VII of the new draft Criminal Code. The beginnings of the paper is published in the 3-d issue of the magazine. The first part of the study contains analysis of such circumstances excluding the criminality of a deed as fulfillment of law, execution of professional functions, execution of the order, justifiable defense. In this regard we consider such circumstance which are presented in a Keywords list. At the end of the chapter the concept of terms being used is introduced.

Keywords: *the infliction of harm on a person who has committed a crime; during his detention; extreme necessity; coercion; coercion; justified risk; consent of an aggrieved party; ignorance of the law; performance of the order of law enforcement bodies.*

В.Б. Малинин

ПРОЕКТ НОВОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ОБЩАЯ ЧАСТЬ. ГЛАВА VII. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ[1]

Василий Борисович Малинин – профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, доктор юридических наук, профессор, г. Санкт-Петербург; **e-mail: Malininvasily@mail.ru**.

Данная статья является продолжением цикла статей по проекту нового Уголовного кодекса, разработанного автором на основании издаваемой им «Энциклопедии уголовного права» в 36 томах, в написании которой принимают участие более 300 ученых из России и стран СНГ, и изучения автором более 60 зарубежных кодексов. Данная статья посвящена седьмой главе Проекта нового уголовного кодекса. Начало этой статьи опубликовано в 3-м номере настоящего журнала. В первой части опубликован анализ таких обстоятельств, исключающих преступность деяния, как исполнение закона, исполнение профессиональных функций, исполнение приказа, необходимая оборона. В данном продолжении мы рассматриваем такие виды обстоятельств, которые приведены в ключевых словах. В конце главы приводится понятие некоторых терминов, используемых в данной статье.

Ключевые слова: *причинение вреда преступнику при его задержании; крайняя необходимость; принуждение; обоснованный риск; согласие потерпевшего; исполнение задания правоохранительных органов; незнание закона.*

[1] Продолжение статьи. Начало в предыдущем номере.

Статья 43. Причинение вреда преступнику при его задержании

1. Не является уголовно наказуемым нанесение вреда задерживаемому преступнику вплоть до причинения ему средней тяжести вреда здоровью за преступление, совершенное им по неосторожности или умышленное нетяжкое преступление, преступление небольшой или средней тяжести.

2. Не является уголовно наказуемым нанесение вреда задерживаемому преступнику вплоть до причинения ему тяжкого вреда здоровью за тяжкое или особо тяжкое преступление, за исключением посягательства на жизнь человека.

3. Не является уголовно наказуемым нанесение вреда задерживаемому преступнику вплоть до причинения ему смерти при посягательстве на жизнь человека.

4. Допустима ошибка лица, задерживающего преступника в категории преступления, но не более, чем на одну категорию.

5. Правом на задержание имеют право не только уполномоченные на то лица, но и другие граждане.

6. Причинение вреда преступнику при его задержании является правомерным, если им действительно ранее совершено преступление, причем за него не истекли сроки давности, вред причинен только задерживаемому, и не было превышения пределов мер, необходимых для задержания.

7. Превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, обусловленное сильным душевным волнением (аффектом), исключает уголовную ответственность

8. Не является уголовно наказуемым причинение задерживаемому вреда по неосторожности.

Задержание лица, совершившего преступление, имеет важное профилактическое значение для пресечения в дальнейшем совершения им новых преступлений.

В интересах правосудия особенно важно, чтобы задержание лица было произведено сразу же после совершения преступления. Однако задержание возможно до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности или давности исполнительного приговора.

Прежде всего, надо отличать уголовно-правовое задержание, которое представляет собой причинение вреда задерживаемому, от уголовно-процессуального, в соответствии с которым оно возможно:

1) когда лицо застигнуто на месте совершения преступления или непосредственно после его совершения;

2) потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление;

3) когда на этом лице или на его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления [1. Ч. 1. Ст. 91].

Если право на уголовно-процессуальное задержание имеют только орган дознания, дознаватель, следователь, то право на уголовно-правовое задержание – любые лица.

Такое же положение содержится в УК Казахстана [8. Ч. 3. Ст. 33], Таджикистана [11. Ст. 33], Узбекистана [12. Ч. 3. Ст. 41] и др.

Также оно содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление») [18. П. 19] (далее – Постановление).

Основанием к задержанию может быть как оконченное преступление, так и покушение на него. При приготовлении к преступлению возможно задержание без причинения вреда, так как приготовление не является уголовно наказуемым.

Задержание возможно как в отношении исполнителя, так и других соучастников.

Право на задержание возникает при совершении любого преступления, в том числе и неосторожного. С последним, правда, не согласны Ю.М. Ткачевский и И.М. Тяжкова [73. С. 390].

Они же не согласны с тем, что воз-

можно причинение вреда преступнику при совершении им нетяжкого преступления, приводя в пример оскорбление [73. С. 390].

Но в настоящее время оскорбление декриминализовано. А если совершаются побои?

Основанием для задержания является также побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи еще и потому, что сам побег является преступлением (ст. 313 УК РФ [1. Ст. 313].

Задержание может быть сопряжено с ограничением свободы, причинением вреда собственности, здоровью и даже смерти.

В зависимости от этого мы и предлагаем дифференцировать причинение вреда задерживаемому в зависимости от тяжести совершенного им преступления.

При совершении неосторожного преступления или умышленного нетяжкого преступления, преступления небольшой или средней тяжести лицо может причинить вред задерживаемому преступнику вплоть до причинения ему средней тяжести вреда здоровью.

Это вытекает из части восьмой предлагаемого проекта, в соответствии с которой причиненный вред хотя может соответствовать тяжести совершенного преступления и обстановке задержания, но не обязательно должен быть меньше его.

При совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, за исключением посягательства на жизнь человека, лицо может причинить вред задерживаемому преступнику вплоть до нанесения ему тяжкого вреда здоровью, за исключением посягательства на жизнь человека.

Конечно, обычному человеку (не юристу) сложно определить категорию преступления. Как пишут, например, А.И. Каплунов и С.Ф. Милюков, «к примеру, очень сложно «на глазок» отличить за секунды особо тяжкое преступление – убийство, предусмотренное ст. 105 действующего УК, от убийства, совершенного в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), или от причинения смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), не подпадающего под категорию даже тяжких преступлений» [38. С. 142].

Поэтому допустима ошибка лица, задерживающего преступника в категории преступления, но не более, чем на одну категорию. В противном случае будет превышение мер, необходимых для задержания преступника.

При посягательстве на жизнь человека лицо может причинить вред задерживаемому преступнику вплоть до причинения ему смерти, хотя против этого в свое время возражал Ю.М. Ткачевский. Он писал: «Каким бы ни было по характеру преступление, как бы ни был опасен преступник, лишить его жизни нельзя, ибо это исключает реализацию правосудия (осуждения или исполнения наказания)» [66. С. 161].

В дальнейшем к нему присоединились Е.В. Благов [28. С. 90], О.Л. Дубовик [75. С. 139], В.Д. Иванов [22. С. 91–92], Г.В. Назаренко [53. С. 167], С.И. Никулин [74. С. 212–213].

Однако более резонным выглядит следующее суждение А.В. Наумова: «В исключительных случаях, когда находящийся на свободе преступник представляет угрозу жизни других людей, может быть признано правомерным и причинение ему смерти» [54. С. 344]. С.Ф. Милюков приводит примеры: лицо убивает убегающего террориста, бандита, серийного убийцу или насильника и т.д. [79. С. 211].

Нельзя забывать, что задержание преступника преследует не только цель доставления его в органы власти, но и цель – пресечение возможности совершения им новых преступлений.

В юридической литературе существует мнение, что причинение вреда преступнику возможно только при отсутствии сопротивления с его стороны (С.Г. Келина [46. С. 343–344], А.В. Наумов [54. С. 346], Н.Н. Турецкий [72. С. 171], В.С. Устинов [23. С. 145]).

Но, как правильно замечает С.Ф. Милюков, закон, отнюдь не запрещает применять серьезное насилие ради задержания преступника, не оказывающего никакого сопротивления вообще (застигнутый с поличным взяткодатель пытается скрыться на автомобиле с полученным

только что чемоданом денег, контрабандист убегает, имея на теле или внутри его килограмм героина и т.п.) [79. С. 199–200].

Теперь рассмотрим условия правомерности причинения вреда преступнику при его задержании.

Их так же, как и при необходимой обороне, следует разделить на две группы: условия, относящиеся к совершенному преступлению, и условия, определяющие возможность задержания

I. Условия, относящиеся к совершенному преступлению

1) Совершение задерживаемым преступления

Мы уже писали, что основанием задержания может быть только совершение лицом преступления, причем любого преступления – и умышленного, и неосторожного. Именно преступления, а не гражданского, административного или дисциплинарного правонарушения.

К сожалению, в практике, особенно среди сотрудников правоохранительных органов, существует мнение, что причинение вреда возможно и лицу, совершившему данные правонарушения.

Так, О.Ю. Бунин приводит следующие примеры.

1. Сотрудники ГИБДД при задержании причиняют физический вред лицу, совершившему административное правонарушение в области дорожного движения и не подчиняющегося их требованиям об остановке транспортного средства.

2. Сотрудники полиции при задержании причиняют физический вред лицу, ничего не совершившему, но пытавшемуся скрыться во время проверки документов (при этом мог быть похож на разыскиваемого преступника и пр.).

3. Оперуполномоченные сотрудники уголовного розыска причиняют физический вред ничего не совершившему лицу, которое находилось рядом с лицом, совершившем преступление (например, его знакомый в квартире при задержании обоих мог оказать сопротивление и пр.), и т.п. примеры.

Данные и другие подобные примеры причинения вреда лицу, не совершившему преступление, при его задержании, – правильно замечает автор, – не относятся к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, задерживающих лиц (сотрудников правоохранительных органов) [30. С. 68–69].

2) Наличность

Этот признак означает время применения насильственных мер к задерживаемому.

Возможность их применения начинается после совершения задерживаемым преступления или покушения на него, когда он собирается скрыться.

Существует точка зрения, согласно которой задержание возможно только сразу после совершения преступления или покушения на него. Но, на наш взгляд, задержание допустимо во всех случаях, когда виновный может быть привлечен к уголовной ответственности.

Конечный срок возможного задержания – истечение сроков давности уголовного преследования или давности исполнения обвинительного приговора.

Если преступник уже задержан другими гражданами, причинение ему вреда недопустимо:

«Участковый инспектор милиции Лунин, заподозрив в гражданине Кротове насильника, последовал за ним, чтобы в удобный момент проверить личность подозреваемого. Заметив, что его преследуют, Кротов напал на Лунина, нанес ему камнем удар по голове и пытался скрыться, но был задержан подоспевшими гражданами. Лунин подбежал к Кротову и выстрелом из пистолета в упор ранил его» [Цит. по: 47. С. 28].

Независимо от того, является ли Кротов насильником или нет, применение огнестрельного оружия Луниным не вызывалось необходимостью, а потому является уголовно наказуемым деянием. Вывод: по отношению ко времени задержания совершенное преступление должно находиться в прошлом.

3) Возможность задержания

Она означает возможность причинения вреда преступнику при стремлении его избежать задержания. Только в этом в

этом случае оно может применяться. Причем, Ю.М. Ткачевский обращает на то, что побег из мест лишения свободы – самостоятельное преступление, он является несомненным основанием для задержания, а не необходимой обороны [45. С. 465].

Как указывает С.Ф. Милюков, закон не запрещает применять серьезное насилие ради задержания преступника, не оказывающего никакого сопротивления вообще (застигнутый с поличным взяткополучатель пытается скрыться на автомобиле с полученным только что чемоданом денег, контрабандист убегает, имея на теле или внутри его килограмм героина и т.п.) [79. С. 199–200]. Однако, если задерживаемый не пытается скрыться, применение насилия к нему недопустимо, что довольно часто встречается среди работников полиции.

Полицейские М. и Н. задержали карманника Ф. в автобусе, когда он вытащил кошелек из кармана гражданки С. Они выволокли его из автобуса, избили, сломали пальцы (для карманников это наиболее страшное), хотя он не оказывали никакого сопротивления и не пытался скрыться. Так их даже не привлекли к уголовной ответственности [19].

Насильственное задержание уместно лишь при условии, что задерживаемый продемонстрировал свое нежелание подчиняться требованиям задерживающего. Если же его поведение неагрессивно, и он готов добровольно предать себя властям – причинение ему вреда недопустимо. В рассматриваемой части обоснованным можно полагать позицию латвийского законодателя, в которой насильственное задержание преступника предполагает его неподчинение требований задерживающего [5. Ст. 31]. Если же производящий задержание не уверен в дальнейшем поведении преступника, полагает, что проявленные им миролюбивые намерения ложны, в действительности же он только и ждет возможности сбежать или оказать сопротивление, в этом случае вполне допустимо применение упреждающего насилия (аналог права упреждающего удара при необходимой обороне) [25. С. 123–124].

II. Условия правомерности причинения вреда задерживаемому

1) Допустимость причинения вреда

Причинение вреда возможно только самому задерживаемому, его личности или имуществу. Например, выстрел в ногу или повреждение транспортного средства, на котором стремится скрыться преступник. Закон запрещает тем самым причинять вред здоровью, скажем, родным или близким скрывающегося преступника, ограничивать их свободы (брать в заложники) ради его явки с в органы власти [79. С. 207]. Хотя некоторые авторы в исключительных случаях допускают такую возможность [см., напр. 41. С. 112–114].

Задержание лица, совершившего преступление, допустимо лишь в том случае, когда имеются достоверные данные о том, что именно это лицо, а не какое-либо иное совершило преступление. Уверенность в том, что задерживается преступник – необходимое условие правомерности задержания. Конечно, нельзя исключить ошибочного задержания гражданина, фактически не совершившего преступления. В этих случаях ответственность задержавшего определяется по правилам влияния фактической ошибки на вину и ответственность. Фактическая ошибка может повлечь ответственность лишь за превышение мер задержания (В.В. Орехов ошибочно пишет, что ответственность может наступить и за неосторожное причинение вреда такому задерживаемому, что является неправильным – *В.М.*). Если же задерживавший не сознавал и не мог сознавать ошибочность своего предположения, он вообще не подлежит ответственности как действовавший невиновно [57. С. 119].

2) Вынужденность причинения вреда

Вынужденность причинения вреда при задержании преступника означает что никаким иным способом нельзя задержать преступника, и причинение вреда является единственным средством достижения цели.

То есть, как правильно пишут А.А. Арямов и А.М. Якуньков, у субъекта задержания были иные способы, не связан-

ные с насилием, для осуществления задержания преступника и доставления его в правоохранительные органы, то задерживающий не вправе применять насилие. Причинение вреда допустимо, если это единственный способ осуществить данные действия [25. С. 130].

Азербайджанский законодатель высказался по этому поводу более определенно: «Насильственное задержание преступника возможно, «если использование с данной целью всех иных способов воздействия не дало необходимых результатов» [4. Ч. 1. Ст. 37.1].

3) Соразмерность причинения вреда

Она означает соответствие тяжести причиненного вреда тяжести совершенного преступления, обстановке задержания и личности преступника.

Ясно, что чем опаснее преступник, чем больше, чем больше превосходство сил задерживаемых (их число, количество, вооруженность), чем сложнее обстановка задержания – тем больший вред может быть причинен преступнику. Превышение мер, необходимых для задержания, признает явное несоответствие их степени, характеру, опасности посягательства и обстановке задержания.

Как правильно пишет Ю.М. Ткачевский, например, лицу, совершившую карманную кражу, неправомерно при его задержании причинить тяжкий вред здоровью. Но если совершено такое тяжкое преступление, как, например, разбой или изнасилование, то к задерживаемому лицу могут быть применены такие меры, которые сопряжены, допустим, с причинением тяжкого вреда здоровью. Характер причиняемого преступнику вреда при его задержании может зависеть и от личности задерживаемого. Если, например, задерживается преступник, который, как известно, неоднократно совершал разбойные нападения, то ему может быть причинен более тяжкий вред, чем вред, причиняемый лицу, впервые совершившему преступление [46. С. 476–477].

Этот же автор продолжает, что сосуществуют 3 вида превышения мер задержания:

а) когда к лицу, виновному в совершении сравнительно нетяжкого преступления, применяются такие меры задержания, которые сопряжены с тяжким вредом его здоровью, значительно превышающим опасность преступления;

б) когда при задержании преступника при наличии возможности причинить незначительный вред здоровью причиняется заведомо больший вред;

в) когда ни характер совершенного преступления, ни обстоятельства дела не вызывали необходимости причинения тяжкого вреда задерживаемому и, несмотря на это, такой тяжкий вред ему был причинен. [46. С. 477–478].

При задержании преступника причиненный вред хотя и должен соответствовать тяжести совершенного преступления и обстановке задержания, но не обязательно должен быть меньше его.

Многие авторы отрицают возможность причинения смерти при задержании, например, Ю.М. Ткачевский и И.М. Тяжкова [73. С. 392].

Но представим себе, что убегает опасный, вооруженный преступник, только что совершивший убийство. Во избежание совершения новых убийств, а тем более возможности его отстреливаться, преследующий его полицейский применяет оружие на поражение и убивает его. «Более того, – пишут А.А. Арямов и М.А. Якуньков, – в ряде случаев такие действия являются обязанностью субъектов задержания. Случай, типичный для работы конвойных подразделений и отрядов охраны в местах лишения свободы» [25. С. 134].

Превышением мер задержания (эксцессом задерживающего) признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Термин «явность» свидетельствует о несомненном для всех несоответствии сравниваемых явлений.

Латвийский законодатель в ч. 2 и 3 ст. 31 УК Латвии подразделяет эксцесс задерживающего на 2 вида: а) нарушение

при задержании предусмотренных законом условий, что предполагает ответственность за нарушение этих условий (например, превышение должностных полномочий); б) причинение избыточного вреда, не вызванного необходимостью задержания, что предполагаемой ответственность за причинение вреда на общих основаниях [5. Ч. 2. и Ч. 3. Ст. 31].

Обычно это вызвано сильным душевным волнением (аффектом), в связи с чем С.Ф. Милюков предлагает норму, аналогичную ч.7. ст. 43 УК Проекта [52. С. 138].

В ч. 8 ст. 43 Проекта мы предлагаем статью, аналогичную ч. 4 УК Латвийской республики: «Не является уголовно наказуемым причинение задерживаемому лицу вреда по неосторожности» [5. Ч. 4. Ст. 31].

Работник полиции М. стрелял в ногу задерживаемому в изнасиловании Б., но попал в спину. По результатам проверки он не был привлечен к уголовной ответственности [20].

Статья 44. Крайняя необходимость

1.Крайняя необходимость заключается в причинении вреда правоохраняемым интересам государству, обществу, личности для предотвращения еще большого вреда, угрожающего этим интересам.

2. Действия, совершенные в состоянии крайней необходимости, лишены общественной опасности и поэтому являются ненаказуемыми.

3. В состоянии крайней необходимости могут быть совершены действия для защиты любого правоохраняемого интереса от любого источника опасности.

4. Опасность при крайней необходимости должна быть реальная, а не мнимая.

5. Опасность при крайней необходимости должна быть неотвратимой.

6. Вред может причиняться не только посягающему или другим источникам опасности, но и третьим лицам.

7. При крайней необходимости невозможно устранить опасность другими средствами, кроме как причинением вреда правоохраняемым интересам.

8.Причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращенный, в частности, спасение собственной жизни за счет другого человека недопустимо.

9. Лицо несет ответственность за превышение крайней необходимости только в случае умышленного причинения вреда.

10. Состояние крайней необходимости признается и в случае, если действия, совершенные с целью предотвращения опасности, не достигли своей цели.

11. Положение о крайней необходимости не распространяется на лиц, которые в силу своей профессии должны бороться с угрожающей опасностью (полицейские, пожарные).

12. Положение о крайней необходимости не действует, если лицо, предотвратившее опасность, само создало ее.

Первое упоминание о крайней необходимости в отечественном уголовном праве упоминается в Соборном Уложении 1649 г.: «А кто убьёт собаку ручным боем, обороняся от себя, и ему за эту собаку цены не платить, и в вину ему того не ставить» [64. Ст. 283].

Ст.39 действующего Уголовного кодекса определяет крайнюю необходимость следующим образом: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересом общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости» [1. Ч. 1. Ст. 39].

В Проекте мы определяем ее гораздо проще, а расшифровку даем в отдельных частях статьи, потому как применять УК будут практики.

Правоохраняемый интерес определяется очень просто: если данный предмет

охраняется законодателем в качестве объекта конкретного преступления, то вопрос решается положительно, если нет – то нет [79. С. 279].

Действия, совершенные в состоянии крайней необходимости, несмотря на причиненный вред, общественно полезны, в силу чего не преступны [25. С. 89].

Если лицо причиняет вред для спасения противозаконных интересов (например, для удержания похищенного имущества), юридически нейтральных интересов (поддержание собственного имиджа в глазах окружающих), законных интересов, но охраняемых не уголовным правом (право на выдел доли из общего имущества), то о состоянии крайней необходимости не может быть и речи [79. С. 279].

Мы не согласны с положением действующего УК РФ и аналогичного положения УК Республики Таджикистан, что не является крайней необходимостью устранение опасности **непосредственно** угрожающей жизни, здоровью, правам и законным интересам данного лица или иных лиц, интересам общества или государства [11. Ст. 42]. Крайняя необходимость возможна и как предупреждающее средство опасных последствий, например, для того чтобы предотвратить прорыв плотины, расположенной рядом с населенным пунктом, приходится для ее укрепления использовать щебенку, песок и рельсы, предназначенные для строительства железной дороги [45. С. 480].

Крайняя необходимость может выражаться не только в форме активного действия, но и бездействия. Например, – пишут А.А. Арямов и М.А. Якуньков, – врач для уменьшения страданий безнадежно больного сознательно не вводит ему назначенного дефицитного лекарства и тем самым спасает другого больного, которому это лекарство достается [25. С. 99].

Придерживаясь той же точки зрения, Ю.М. Ткачевский приводит подобный пример: врача приглашают одновременно к двум больным. В подобном случае врач обязан в первую очередь посетить более тяжелого больного, в то же время, вынужден бездействовать в отношении другого больного. Опоздание врача ко второму больному обусловлено в подобной ситуации крайней необходимостью [45. С. 480–481].

Условия правомерности крайней необходимости также, как при необходимой обороне и задержании, следует разделить на две группы: условия, определяющие состояние крайней необходимости, и условия правомерности действий при крайней необходимости.

I. Условия, определяющие состояние крайней необходимости

1) Общественная опасность, причиняемая правоохраняемым интересам

В состоянии крайней необходимости могут быть совершены действия для защиты любого правоохраняемого интереса от любого источника опасности.

Источниками опасности могут быть: преступное поведение человека, поведение животных, стихийные силы (наводнение, землетрясение, пожар и др.), неисправности машин и механизмов, непреодолимая сила, бездействие средств защиты, необходимость одновременного выполнения различных обязанностей, патологические или физиологические процессы, происходящие в организме человека (болезнь, голод, замерзание и др.) [57. С. 127–128]. М.А. Якуньков добавляет к ним: действия физических или химических процессов (электрический ток, радиационное излучение и т.п.), непреступное поведение человека, действия самого субъекта крайней необходимости (например, оказание помощи раненому им человеку посредством использования чужого транспортного средства) [79. С. 281–282].

Обычно причинение вреда малолетнему или душевно больному приравнивается к необходимой обороне. Это закреплено даже в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне, о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [18. П. 5].

Но еще Н.Д. Сергиевский полагал, что нападение невменяемого или лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, также являются надлежащим источниками опасности, порождающими

право крайней необходимости [62. С. 324].

По мнению С.А. Домахина, также в некоторых случаях действие в состоянии крайней необходимости может быть направлено и против нападающего, когда им заведомо является лицо невменяемое, малолетнее или действующее в состоянии фактической ошибки [34. С. 47].

В самом деле, представьте, что на спецназовца нападает малолетний с ножичком. Он может легко отобрать этот нож, но убивает нападавшего. Это что – необходимая оборона?

Естественно, защищающий должен знать, что перед ним малолетний или душевно больной, и он может избежать опасности как при крайней необходимости.

Признак наличности, имеющийся в необходимой обороне и причинении вреда при задержании преступника, как мы писали выше, при крайней необходимости отсутствует, так как меры защиты при этом обстоятельстве могут быть предупредительными. А.М. Якуньков пишет: «Начальный момент возникновения опасности связывается не только с тем, что угроза причинения вреда реально стала воплощаться (например, пожар уже вспыхнул, наводнение затапливает селение, самолет терпит крушение и т.п.), но и с тем, что возникла сама угроза причинения вреда (например, существует угроза затопления, пожара, аварии, смерти и т.п.) [79. С. 273–274].

2) Действительность (реальность) опасности

Опасность при крайней необходимости должна быть действительная (реальная), а не мнимая, в воображении человека.

Совершение действий, связанных с причинением вреда охраняемых законом интересам, при воображаемой опасности в литературе называется мнимой крайней необходимостью. Вопрос об уголовной ответственности или ее отсутствии при мнимой крайней необходимости решается и должен решаться по общим правилам о влиянии фактической ошибки на форму вины. Если лицо под влиянием обстоятельств не сознавало и не могло сознавать ошибочность своих предположений о существовании опасности, то уголовная ответственность исключается [57. С. 130].

3) Неотвратимость опасности

Опасность причинения вреда при крайней необходимости должна быть неотвратимой, то есть без вмешательства сама по себе миновать не может. Опасность при данных обстоятельствах не может быть устранена иными, не связанными с причинением вреда средствами. Если человек не предпринял срочно соответствующих действий, параллельно причиняющих вред иным правоотношениям, то наступят более тяжкие последствия [79. С. 286].

II. Условия правомерности действий при крайней необходимости

1) Допустимость причинения вреда

Вред может причиняться не только посягающему или другим источникам опасности, но и третьим лицам. Например, чтобы пожар не распространился на всю деревню, ломается ближайший к загоревшему дом.

При крайней необходимости страдают ни в чем не повинные люди. Поэтому вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, в соответствии с гражданским законодательством подлежит возмещению примирителем.

2) Вынужденность причинения вреда

Она означает невозможность устранить опасность другими средствами.

Это очень важное ограничительное условие, которого нет при необходимой обороне. Из него следует, что если можно было избежать опасности другими средствами, например, бегством или обращением за помощью к представителям власти, то причинение вреда исключает состояние крайней необходимости, и лицо по общему правилу должно привлекаться к уголовной ответственности за необоснованное причинение вреда охраняемым законом интересам.

Когда законодатель говорит, что «опасность не могла быть устранена иными средствами», он имеет в виду, что предотвращение вреда не было возможно без

причинения меньшего вреда. При этом не требуется, чтоб из всех возможных вредоносных способов устранения опасности субъект избрал бы способ, предоставляющий наименьшую опасность [79. С. 289].

Обычно считается, что применение оружия регулируется исключительно нормами о необходимые обороны. Между тем, в законе «О полиции» разрешается применение оружия для освобождения заложников, даже если при этом могут погибнуть сами заложники [16. Ч. 1], то есть могут применяться правила крайней необходимости, когда, например, ведение огня угрожает не только преступникам, но и жизни самих заложников или сотрудников силовых структур, находящихся в расположении захваченных людей. Само собой разумеется, что применение оружия при таких обстоятельствах должно быть *единственным* способом предотвратить более тяжкий вред [52. С. 127–128].

3) Уменьшительность вреда

Это положение означает, что причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращенный.

Превышением пределов крайней необходимости будет причинение равного или более значительного вреда, чем предотвращенный. Недопустимо спасение какого-либо блага за счет равноценного, в частности, собственной жизни за счет жизни другого человека (не имеет значения какого: ребенка, больного, престарелого).

Проблема оценки сравнения является всегда весьма сложной. Поэтому нельзя сравнивать, например, чья жизнь дороже. Исключением может быть только жизнь малолетнего или беременной женщины. Вот пример.

После кораблекрушения в шлюпку набилась уйма народа. Увидев, проплывающую мимо беременную женщину, один из мужчин выкинул из лодки старую женщину и втащил в нее эту женщину [68. С. 42].

Хотя многие с этим не согласятся, но в поддержку своей позиции можем сказать, что убийство малолетнего или беременной женщины наказывается значительно строже (по ч. 2 ст. 105 УК РФ), чем обычного человека (по ч. 1 ст. 105 УК РФ). Но все-таки это спорный вопрос.

Не вызывает сомнения ненаказуемость убийства одного или нескольких человек для спасения большего числа людей. В практике имеются случаи, когда альпинист отрезал веревку падающего в пропасть своего товарища или мастер приказал засыпать выход с шестью шахтерами, чтобы спасти тридцать от возникшего в шахте пожара.

Но спорным является вопрос, когда, например, погибающие от голода, оставшиеся в лодке после аварии корабля, съедают одного из своих товарищей. Если съедают самого крупного или самого слабого – это наказуемо, если кидают жребий – то нет [см.: 27. С. 39].

М.А. Якуньков ставит очень сложный вопрос: о возможности своей жизни за счет жизни другого человека. Он пишет, что стремление к самосохранению – одно из основных инстинктов человека и никаким законом не изжить этот инстинкт [79. С. 312–313]. И хотя мы бы добавили к этому спасение своих родных (например, матерью своего ребенка), но исходя из моральных и религиозных соображений, мы все же склоняемся к законодательному положению, что нельзя спасать свою жизнь или жизнь своего близкого за счет жизни другого человека

Тот же М.А. Якуньков справедливо отмечает, что при оценке вреда причиненного и предотвращенного в тексте ч. 2 ст. 39 действующего УК усматривается внутреннее противоречие. «С одной стороны говорится, что «превышение пределов крайней необходимости признается причинением вреда, явно не соответствующее характеру и степени угрожающей опасности, следовательно, неявное (незначительное) превышение, а тем более равный вред, все-таки возможны». С другой стороны, законодатель категорично отрицает это: «Превышением пределов крайней необходимости признается <…>, когда указанным интересам был причинен вред, равный или более значительный, чем предотвращенный» [79. С. 290–291].

Превышение пределов крайней необ-

ходимости влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда. Это означает, что как бы ни был превышен уровень причиненного вреда по сравнению с предотвращенным, но, если он причинен по неосторожности, – уголовная ответственность не наступает.

Если лицо должно и могло правильно оценить обстановку, но действовало неадекватно ей, якобы в состоянии крайней необходимости, то оно подлежит ответственности за неосторожное преступление.

Крайней необходимостью признается также такое состояние, при котором деяние, совершенное с целью устранения угрожающей опасности неизбежного причинения вреда правоохраняемым интересам, не достигло этой цели, и предотвращаемый вред наступил несмотря на усилия лица, добросовестно рассчитывающего его предотвратить путем причинения менее значительного вреда. Это положение содержится в УК Республики Беларусь [7. Ч. 2. Ст. 36].

Положение о крайней необходимости не распространяется на лиц, которые в силу своей профессии должны бороться с угрожающей опасностью (полицейские, пожарные).

Мы предлагаем внести в Проект уголовного кодекса положение УК Германии, согласно которому, если лицо, совершившее предотвращение опасности, само спровоцировало ее, оно несет уголовную ответственность [14. Ст. 35]. Такую ситуацию можно назвать провокацией крайней необходимости.

Статья 45. Принуждение

1. Принуждение бывает физическое и психическое.

2. При физическом принуждении лицо не несет уголовную ответственность.

3. При психическом принуждении ответственность наступает в зависимости от возможности руководить своими действиями и, если причиняемый вред меньше вынуждаемого принудителем вреда.

В словарях Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова термин «принудить» означает заставить что-либо сделать, силой побудить к чему-нибудь» [56. С. 595; 71. С. 827].

Итак, принуждение в целом выступает как более обширное, составное уголовно-правовое понятие, включающее в себя физическое и психическое насилие, являющееся, в свою очередь, способом заставить потерпевшее лицо совершить какое-либо деяние в результате примененного к нему насилия [79. С. 349].

Согласно ч. 1 ст. 40 Уголовного кодекса Российской Федерации «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием)» [1. Ч. 1. Ст. 40].

Причинение вреда под влиянием физического принуждения предполагает вынужденность поступка, исключительную обстановку, в которой принуждаемый лишается возможности действовать по своему усмотрению. Оно по своему характеру и последствиям может быть различным и «представляет собой непосредственное конкретное воздействие на организм человека (побои, истязание, связывание или другие способы лишения возможности производить телодвижения или действие, болевая демонстрация намерений причинить смерть, порезы жизненно важных органов и тканей, имитация удушения и пр.)» [29. С. 123].

Мы не согласны с И.М. Тяжковой, что при физическом принуждении лицо сохраняет возможность руководить своими действиями и осуществлять свою волю, причинения тем самым вред правоохраняемым интересам [46. Ч. 1. Ст. 40]. Может ли быть такое? Да, иногда может, но ценой своей жизни.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР обоснованно признала реальной угрозу вооруженного ножом К. убить своего собутыльника Ш., если тот откажется искать деньги в доме только что убитой К. Синянской. Такая угроза была сочтена данным судебным органом достаточной для оправдания Ш. [21. С. 110].

Психическое принуждение – это угроза применения физического насилия, причинения материального или морального ущерба, которая носит конкретный, реальный характер и может быть немедленного исполнена. Угроза может быть выражена словесно, конклюдентными действиями, с использованием оружия или каких-либо предметов, с помощью которых можно запугать лицо. Иногда она связана с применением физического насилия как способа воздействия на психику в целях понуждения лица к совершению противоправных деяний [59. С. 213].

При психическом принуждении лицо не несет уголовную ответственность, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием) или находилось под угрозой смерти [30. С. 73]. Например, кассир под дулом пистолета передает кассовую выручку преступнику. В противном случае ответственность наступает или не наступает в зависимости от возможности руководить своими действиями, и если причиняемый вред меньше вынуждаемого принудителем вреда. Например, под угрозой избиения принудитель заставляет убить кого-либо.

Статья 46. Обоснованный риск

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели.

2. Риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и предприняло все возможные меры для предотвращения вреда охраняемым законом интересам.

3. Риск не признается обоснованным, если он сопряжен с угрозой для жизни человека, угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия либо иных тяжких последствий.

А.А. Собчак определял риск как опасность возникновения неблагоприятных последствий личного или иного характера, относительно которых неизвестно, наступят они или нет [65. С. 55].

В юридической литературе выделяется несколько видов обоснованного риска. Это, прежде всего, производственный риск, т.е. стремление достичь общественно полезной цели или предотвратить вредный результат производственной деятельности. Во-вторых, предпринимательский (коммерческий) риск, т.е. стремление получить выгоду в результате использования конъюнктуры рынка и банковской, биржевой, инвестиционной и других видов предпринимательской деятельности. В-третьих, научно-технический риск, т.е. стремление внедрить в практику новые методики, разработки, исследования (например, внедрение новой методики лечения, не оправдавшей себя, и пр.). В-четвертых, организационно-управленческий риск, т.е. стремление перейти, например, к новой системе государственного управления, что может повлечь непредвиденные последствия. В-пятых, медицинский риск, т.е. риск жизни и здоровью человека.

Этот перечень можно было продолжить, так как сфера правомерного риска охватывает любую профессиональную деятельность, в том числе и правоохранительную [46. С. 494].

Производственный риск

Зачастую в некоторых ситуациях для достижения значимых производственных целей приходится идти на риск. В качестве таких целей могут выступать, например, освоение новых, ранее не применяемых в производственном процессе технологий, которые гораздо эффективнее ранее использованных и могут нанести большой вред экономике – когда риск является «неизбежным» и др. В данном случае риск способствует развитию и повышению эффективности производства [61. С. 95].

Предпринимательский (коммерческий) риск

Предпринимательский риск связан с организацией производства, решением технологических проблем в условиях рыночной конъюнктуры, экономией энергии или с переизбытком трудовых ресурсов либо недостаточной информацией по во-

просам хозяйственной деятельности. В данном случае субъект стремится получить наибольшую прибыль, что неизбежно связано с риском [37. С. 55].

Коммерческий риск представляет собой деятельность хозяйственного руководителя по решению проблем сбыта, закупки, снабжения, поиска наиболее выгодных договорных связей, конкуренции в условиях объективной экономической неопределенности, характерной для товарно-рыночных отношений [36. С. 213].

Научно-технический риск

Дальнейший прогресс общества невозможен без такой разновидности профессионального риска, как научно-экспериментальной (новаторский). Научно-техническое развитие связано с проведением различного рода исследований и экспериментов, без которых невозможно дальнейшее продвижение науки и техники, познание окружающего мира и исследование его законов. Современную науку с ее колоссальным потенциалом, дальнейший ее прогресс нельзя представить без риска. Известно, что многим открытиям и изобретениям предшествовали удачные и неудачные исследования, которые практически всегда были связаны с риском причинения вреда различным правоохраняемым интересам, в том числе и уголовно-правовым. Тот или иной общественно полезный результат, обусловленный задачами соответствующей отрасли науки и техники, при данном уровне их развития зачастую невозможно достичь нерискованными средствами. В связи с этим и поднимается вопрос допустимости и правомерности риска в области научно-исследовательской деятельности. Правовая оценка общественно полезного научно-исследовательского риска в конечном итоге определяется ценностью и важностью того или иного открытия для всего общества с учетом остальных условий правомерности обоснованного риска [79. С. 489].

Организационно-управленческий риск

Организационно-управленческий риск связан со структурно-организационными, кадрово-штатными проблемами и пр. Этот вид риска сопряжен с управленческой деятельностью [51. С. 108].

На связь между управлением как самостоятельным видом человеческой деятельности и риском как средством достижения управленческой задачи в ситуации информационной неопределенности, когда у субъекта имеется возможность выбора того или иного решения, обращают внимание многие авторы. Более того, управленческий риск выделяется в качестве самостоятельного предмета исследования в области управления.

Если в качестве основания классификации выделить масштаб (уровень управления) и правовое положение (компетенцию) субъекта, то управленческий риск подразделяется на уровень общегосударственного управления и промежуточные уровни госуправления (уровни субъектов РФ, региона).

Принятие компетентным субъектом важных общественно значимых решений (например, в области реализации важных государственных программ и проектов) всегда связано с риском причинения вреда правоохраняемым интересам самого различного характера: жизни и здоровью людей, социально-экономического, экологического и т.д. Поэтому правовая оценка риска в сфере управленческой деятельности, его обоснованность в зависимости от степени и характера риска должна соотноситься не только с общественно полезной целью принятого управленческого решения, но и соответствовать остальным условиям правомерности обоснованного риска.

Наиболее масштабные по своему значению в сфере управления решения должны в обязательном порядке проходить предварительно компетентную экспертную оценку в целях минимизации опасности причинения вреда при реализации рискованного решения и только после этого в свою очередь оценивать его обоснованность [79. С. 491–492].

Прав А.П. Альгин, считающий, что риск можно считать обоснованным, если реализация рискованного решения в области управления не превышает социально приемлемого уровня отрицательных последствий не только для нравственного,

психологического, но прежде всего для физического состояния людей и их здоровья [24. С. 39].

Медицинский риск

Поскольку медицинский риск непосредственно связан с возможностью причинения вреда жизни и здоровью людей, оценка данного вида риска имеет и уголовно-правовой характер.

В юридической литературе вопросы обоснованного медицинского риска имеют прямое отношение как к профессиональной деятельности врачей, так и к научно-исследовательской работе в области медицины, выделяясь при этом в качестве самостоятельного предмета исследования [26. С. 89; 39. С. 70; 58. С. 70].

Как и любой вид человеческой деятельности, медицинская деятельность сопряжена с определенной степенью риска. В юридической литературе обоснованный медицинский риск определялся как правомерное применение лечебно-диагностических мероприятий для спасения жизни и сохранения здоровья больного, если положительный результат не мог быть достигнут традиционными, проверенными средствами. В результате правомерного медицинского риска врач как бы пренебрегает своим предвидением вредных последствий для больного, но такая позиция является единственным выходом в клинической ситуации.

В зависимости от преследуемых целей вмешательства в функционирование человеческого организма следует различать следующие виды медицинского риска: а) во имя развития науки и б) для оказания помощи конкретному больному.

Медицинское вмешательство во имя развития науки направлено на решение научно-исследовательских задач, не связанных, как правило, с оказанием медицинской помощи человеку, а, напротив, способных причинить вред его жизни и здоровью. В данном случае это новаторский риск в медицинских исследованиях во имя излечения будущих больных [63. С. 21].

Поскольку при медицинских опытах на здоровых людях возникает опасность для таких важных правоохраняемых благ, как жизнь и здоровье человека, необходимо, чтобы допускаемый риск был ограничен и четко регламентирован в соответствии с его оправданностью и степенью не только в Основах законодательства об охране здоровья, но и в рамках уголовно-правового института обоснованного риска.

В рамках оказания помощи конкретному больному можно выделить следующие виды медицинского риска: медицинский эксперимент как способ лечения больного с неизвестным заранее результатом, оценка которого носит вероятностный характер, и риск в интересах излечения больного.

Так, В.А. Глушков, применительно к медицине, определяет эксперимент как проведение научно-обоснованного метода диагностики, лечения, профилактики или применения новых лекарственных средств с терапевтической и научной целью, а также для изучения биологических процессов в человеческом организме [32. С. 34].

При экспериментах терапевтического характера риск оправдывается общественно полезной целью – излечить конкретного больного, когда традиционные средства бессильны.

Такого рода эксперименты, безусловно, связаны с риском, степень которого должна быть соотнесена с состоянием здоровья больного (чем безнадежнее состояние пациента, тем выше степень риска. Далее следует отметить, что в целях предотвращения для больного вредных последствий и определения допустимой степени риска врач должен руководствоваться соответствующими материалами), и при этом врач должен предпринять все необходимые меры для предотвращения вреда. Медицинский риск также связан с иными направлениями врачебной деятельности, которые регулируются специальными правилами (методиками операций, трансплантации органов и тканей, переливания крови, применения новых лекарственных препаратов и т.п.): инструкциями, методиками.

При определении правомерности и обоснованности риска эти специальные медицинские установления служат осно-

вой правовой оценки деятельности врача. Следовательно, медицинский работник не вправе рисковать там, где прямо запрещены рискованные действия, и несет ответственность за возникшие опасности жизни и здоровью больного.

И.М. Ткачевский и И.М. Тяжкова к основным признакам, позволяющими отнести обоснованный риск к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния, относят:

1) направленность действий (бездействия) на достижение общественно полезной цели;

2) невозможность достижения поставленной общественно полезной цели другими, не связанными с риском действиями (бездействием);

3) использование всех достаточных и возможных мер для предотвращения вреда правоохраняемым интересам;

4) отсутствие при совершении рискованных действий угрозы для жизни многих людей, а равно угрозы экологической катастрофы или общественного бедствия [73. С. 407].

Они же пишут, что принятие достаточных мер для предотвращения вреда означает, что приняты все необходимые, по мнению рискующего, меры, способные в конкретной обстановке предотвратить наступление вреда. Понятие «достаточность» и «недостаточность» принятых мер относятся к числу оценочных категорий, передаваемых на усмотрение правоприменителя. При этом во внимание принимаются все обстоятельства: научно-технические достижения на момент совершения рискованных действий (бездействия), уровень профессиональных знаний рискующего, его навыки и опыт, возможность правильно оценить обстановку, например, в экстремальных условиях [73. С. 407].

Риск должен удовлетворить следующим условиям:

1) чем значительнее цель, тем больший риск оправдан;

2) цель не может быть достигнута обычными, нерискованными средствами;

3) лицо должно принять все необходимые меры для предотвращения правоохраняемым интересам;

4) вред должен быть только возможным – заведомо причинение недопустимо;

5) риск не должен быть заведомо сопряжен с угрозой для жизни человека;

6) риск не должен привести к экологической катастрофе, общественному бедствию и другим тяжким последствий.

Определяющим условием правомерности обоснованного риска законодатель считает, прежде всего, совершение деяние (действия или бездействия) только для достижения общественно полезной цели.

«С точки зрения теории уголовного права, – отмечает В.В. Орехов, – общественно полезный характер цели можно определить либо как важный социальный результат, либо как сохранение и увеличение любых общечеловеческих ценностей для всего общества в целом, либо как достижение успешного результата наименьшими затратами и средств. Одним из условий правомерного риска является то, что лицо, достигшее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам» [57. С. 147, 148].

Далее, при анализе условия достаточности мер, предпринимаемых для вреда, следует сказать, что термин «достаточность» по отношению к мерам вряд ли можно назвать удачным: если меры были достаточными, то вред не должен был наступить, если же вред наступает, то предпринятые меры нельзя признать достаточными. Следовательно, правильнее было бы говорить об обоснованно возможных, с позиции рискующего, разумных, реальных, безопасных мерах, направленных на устранение вреда или, по крайней мере, на максимальное снижение размера возможных вредных последствий.

Напомним, что в ст. 27 Основ 1991 г. законодатель предусматривал норму о принятии «всех возможных мер» для предотвращения наступления вреда, в основании которой лежала субъективная оценка лицом предпринимаемых мер для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам. В этой связи представляется, что термин «возможные меры» более удачен по сравнению с исполь-

зуемым в ч. 2 ст. 41 УК РФ термином «достаточные меры», так как требование принятия «всех» мер выглядит чрезмерным, и у нас возникают обоснованные сомнения, что вряд ли можно требовать от человека в сложной ситуации риска принятия «всех» возможных мер для предотвращения вреда [50. С. 32].

На основании вышесказанного представляется, что в редакции ч. 2 ст. 41 УК РФ правильно было бы термин «достаточные» заменить термином «возможные», что мы и предлагаем.

Так, одной из причин гибели экспериментальной подводной лодки «Комсомолец» было то, что на ней отсутствовало необходимое аварийное оборудование, не была обеспечена немедленная подача противопожарной газовой смеси в аварийный отсек, каждый пятый из экипажа лодки не умел плавать, а каждый второй плавал плохо, индивидуально-спасательные аппараты для выхода из затонувшей лодки были устаревшими, громоздкими и тяжелыми, и т.д. [31. С. 16–17].

Кроме того, следует отметить, что предпринятые субъектом возможные меры для предотвращения вреда правоохраняемым интересам в ситуации допускаемого риска должны соответствовать современным требованиям науки, техники и производства, существующим в той или иной профессиональной деятельности.

Среди условий правомерности риска следует также рассматривать содержащееся в ст. 41 РФ положение, согласно которому «риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия». Но о какой заведомости, т.е. о достоверном (не вызывающем сомнений) и конкретном осознании вероятности причинения вреда может идти речь, если лицо, абстрактно осознавая возможность причинения вреда, предпринимает определенные меры для ненаступления последствий своего деяния и рассчитывает на то, что вред причинен не будет? Таким образом, указание на заведомость, исходя из его смыслового значения, т.е. точное знание лица о наличии угрозы правоохраняемым интересам представляется неудачным. На основании вышесказанного правильнее было бы изменить положение о необоснованности риска при заведомой угрозе экологической катастрофы, общественного бедствия, гибели человека на необоснованность риска в случае наступления этих серьезных для общества последствий, т.е. исключив указание на заведомость [79. С. 523].

Существующая редакция ч. 3 ст. 41 действующего УК РФ указывает также и на необоснованность риска, если он «заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей».

Анализ содержания указанного положения позволяет сделать вывод о том, что риск вполне может быть обоснованным, если он заведомо сопряжен с угрозой для жизни или здоровья одного или нескольких человек (!). Данное положение входит в противоречие со ст. 2 и ст. 20 Конституции РФ, определяющими, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, и закрепляющими право на жизнь.

Таким образом, указанная формулировка допускает произвольную трактовку, если исходить из точного смысла нормы; в процессе осуществления деяния в ситуации риска угроза жизни человеку либо гибель человека еще не являются противоправными. В этой связи обоснованно возникает вопрос: поскольку жизнь человека есть высшая ценность, то правомерно ли вообще допускать в качестве возможного результата обоснованного риска смерть человека [79. С. 525]?

Статья 47. Согласие потерпевшего

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим с предварительного добровольного и осознанного согласия другого лица, имеющего права на распоряжение этих интересов.

2. Такое согласие не имеет законной силы, если оно получено насильственным путем либо оно было дано в силу очевидного заблуждения, получено с помощью обмана либо выражено лицом, не достигшим восемнадцатилетне-

го возраста, либо лицом, неспособным выразить осознанное им значения совершаемого деяния и волеизъявления.

3. При неизбежности смерти потерпевшего, подтверждённой специальной медицинской комиссии, и согласия потерпевшего, или, если он находится без сознания, его законного представителя, возможна эвтаназия.

В русском языке «под согласием понимается разрешение, дозволение, одобрение, утверждение как прямое желание, согласившееся на что-либо, или как уступка его» [33. С. 354].

Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее противоправность деяния, предусмотрено в небольшом количестве зарубежных кодексов: Законе об уголовном праве Израиля [3. (4) ст. 34 йод гимел], Уголовном кодексе Республики Корея [9. Ст. 24], Уголовном кодексе Республики Сан-Марино [10. Ст. 39]. Предлагается оно и в Проекте уголовного кодекса РФ, подготовленном коллективом авторов под редакцией Н.А. Лопашенко [49. С. 30].

Н.А. Лопашенко пишет: «Согласие на причинение вреда лишь тогда признается обстоятельством, исключающим преступность деяния, когда касается тех интересов, которыми потерпевший может свободно распоряжаться, и при этом нет угрозы другим правоохранителем интересам» [49. С.13].

I. Условия причинения вреда с согласия потерпевшего

1) Действительность согласия

Действительность согласия в уголовно-правовой литературе соотносят с волеизъявлением лица, сознающего характер совершаемых действий и способного ими руководить. В рамках этого положения ученые-криминалисты ведут речь о психически здоровом и взрослом человеке.

Большинство исследователей утверждает, что согласие должно исходить от лиц вменяемых, достигших определенного возраста, по достижении которого лицо приобретает способность осуществлять соответствующие права и выполнять обязанности.

Некоторые авторы при характеристике надлежащего субъекта (действительности согласия) указывают на такой его признак, как дееспособность лица [44. С. 518–519; 60. С. 46].

При этом дееспособность лица, давшего согласие на причинение вреда собственным правам, должна иметь место на момент дачи такого согласия.

Л. Шуберт, раскрывая признак действительности согласия, правильно указывает и на то, что «оно должно быть фактически дано. Недостаточно предполагаемого согласия. Ошибку преступника, под влиянием которой он предполагал согласие потерпевшего, следует рассматривать, основываясь на принципах оценки фактической ошибки с точки зрения субъективной стороны состава преступления» [78. С. 122].

Большинство юристов считает допустимым в качестве субъекта дачи согласия признавать не только лицо, которому причиняется вред, но и его законных представителей. Получение согласия от законных представителей недееспособного лица возможно, но только в тех пределах, в которых закон предоставляет право заменять его волю (например, в случаях согласия родственников на оказание неотложной медицинской помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, и т.п.).

Таким образом, субъектом согласия на причинение вреда является физическое лицо, обладающее полной дееспособностью, а в случаях, специально предусмотренных законом, – его законные представители [79. С. 636–637].

2) Осознанность согласия

Согласие должно быть осознанным и волевым, должно быть результатом сознательного подхода правообладателя к распоряжению собственным правом.

Субъект правомерного поступка предвидит, что в результате совершаемого им деяния будет причинен вред тому или иному объекту, обусловленному согласием «потерпевшего». Иными словами, сознанием субъекта должны охватываться фактические свойства и объекта, и вреда, причиняемого этому объекту, и развитие в общих, родовых чертах причинной связи

между совершаемым деянием и его результатом [79. С. 637].

Таким образом, субъективная сторона поведения автора согласия на причинение вреда характеризуется (в единстве интеллектуального и волевого моментов) квазиумыслом: лицо сознает характер действий, на которые изъявляет согласие, предвидит причинение себе вреда и желает этого.

3) Добровольность согласия

Согласие должно быть выражено добровольно, а не путем обмана либо физического или психического принуждения [57. С. 165]. Любое психическое или физическое принуждение влечет его незаконность.

Так, при вымогательстве лицо внешне добровольно передает имущество злоумышленнику, но в действительности это далеко не так. В некоторых случаях, когда установление добровольности согласия приобретает особую актуальность, рекомендуется прибегать к его нотариальному заверению. *Добровольность согласия* означает свободное волеизъявление лица, отсутствие какого-либо принуждения либо обмана при получении согласия. Признак «добровольность» по своему содержанию совпадает и в общем, и в частноправовом понятиях согласия.

По мнению Н.С. Таганцева, «согласие теряет всякую силу, как скоро оно было вынуждено или получено обманом. Отнятие вещи остается грабежом или разбоем, хотя бы виновный не сам взял вещь, а заставил хозяина отдать ее себе. Но такое вынужденное согласие должно быть отличаемо от согласия выпрошенного. Для действительности уступки безразлично, дано ли было согласие по собственной инициативе владельца права, или оно было последствием убеждения третьих лиц, или было выпрошено самим обвиняемым; так же безразличны и мотивы, коими руководился как давший согласие, так и получивший его. Мало того, для не преступности деяния иногда вполне достаточно, чтобы пострадавший индифферентно относился к утрате отнимаемого блага, не заявлял о том, что такое действие противоречит его воле» [70. С. 404].

4) Наличность согласия

Ученые указывают на то, что согласие тогда выступает надлежащим основанием для причинения вреда, когда оно дано до его совершения или в момент его осуществления.

Из этого следует, что согласие, полученное после причинения вреда, по общему правилу, не делает деяние правомерным.

Так, Н.С. Таганцев утверждал, что согласие должно быть дано или прежде, или во время совершения деяния; поэтому согласие необходимо отличать от прощения, обусловливающего прекращение дела при преступных деяниях, преследуемых в порядке частного обвинения [70. С. 180].

Большинство ученых, посвятивших исследования согласию «потерпевшего», также справедливо утверждает, что согласие, данное после причинения вреда, должно рассматриваться как прощение виновного, примирение с ним, но такое согласие не может выступать основанием для признания правомерности поступка лица, причинившего вред.

Иногда считают, что согласие лица на причинение вреда должно иметь юридическое значение только в том случае, если оно дано до начала совершения действия, нарушающего определенные интересы потерпевшего [44. С. 395].

Приверженцем такого подхода был, в частности, и А.Н. Красиков. Проведя подробный анализ данного признака, он сделал вывод, что «... вряд ли можно считать согласие обстоятельством, исключающим общественно опасный характер совершаемого, если оно было получено в процессе совершения деяния, начатого без согласия потерпевшего». Например, врач, начавший операцию без согласия больного, может получить такое согласие в ходе операции, окончившейся неблагоприятно для потерпевшего. В этом случае при наличии всех оснований врач должен подлежать уголовной ответственности за причиненный вред [42. С. 60].

Признак наличности согласия «потерпевшего» нередко связывают с формой его выражения.

Подробно этот вопрос рассматривал

тот же А.Н. Красиков, который пришел к выводу, что «письменная форма выражения согласия является наиболее удачной. Согласившийся и принимающий согласие письменно обстоятельно излагают основания согласия. Такая форма будет способствовать наиболее правильной оценке согласия» [42. С. 60].

По мнению А.Н. Сумачева, *обязательную* письменную форму выражения согласия следует закрепить в тех случаях, когда его результатом может явиться нарушение права на жизнь, здоровье, телесную целостность организма либо иные существенные последствия для дающего согласие. Согласие на совершение иных деяний возможно в конклюдентной (устной) форме. Это является необходимым для уголовно-правового понятия «согласие» [67. С. 112].

Так, для проведения медицинской операции и применения сложных методов диагностики требуется согласие больного – расписка.

Принципиальным остается вопрос: должно ли согласие быть явно выраженным или допускается и молчаливое согласие, т.е. невоспрепятствование лицу на причинение вреда его интересам? И можно ли вообще в подобных ситуациях говорить о согласии лица?

По мнению А.Н. Красикова, молчание лица как невоспрепятствование совершению деяния (при возможности противостоять этому деянию) также следует расценивать как проявление согласия [42. С. 60].

На наш взгляд, согласие должно быть явно выраженным в определенной форме, установленной законом. И поэтому в тех случаях, когда гражданское законодательство допускает выражение волеизъявления на заключение сделки путем молчания и совершения при этом сопутствующих конклюдентных действий, такое поведение лица может рассматриваться как согласие на причинение вреда, имеющего уголовно-правовое значение.

5) Правомерность согласия

Согласие на причинение вреда может быть дано лишь лицом, которое на законных основаниях обладает правом, претерпевающим посягательство.

Согласие потерпевшего правомерно лишь в том случае, если конкретное лицо имеет право распоряжаться принадлежащим ему правом, т.е. если отсутствуют законные обременения его права. Мало обладать правом, необходимо иметь возможность им распорядиться. Например, собственник владеет имуществом, но это имущество находится в залоге или под арестом; в этом случае согласие на повреждение такого имущества не исключает преступности деяния [79. С. 652–653].

В.В. Орехов подтверждает, что не привлекается за кражу лицо, взявшее вещь с согласия ее собственника, так же, как и за умышленное уничтожение его имущества. Конечно, во всех этих случаях имеется в виду отсутствие посягательства на права других лиц (например, нет посягательства на совместное имущество, на чужую долю в общем имуществе и т.п. [57. С. 162].

Согласие потерпевшего не влияет на юридическую природу преступных действий, например, на производство незаконного аборта, заражение венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией, половое сношение с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, развратные действия, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественную деятельность и др.

II. Предметы, которым может быть причинен вред с согласия потерпевшего

1) Имущество

В свободном распоряжение лица находится, прежде всего, широкий круг имущественных интересов. Собственнику согласно гражданскому законодательству принадлежит право владения, пользования и распоряжения имуществом в пределах, установленных законом [57. С. 162].

Прежде всего, в свободном распоряжение лица находится его имущество.

Ю.М. Ткачевский отмечает: «Согласие потерпевшего на уничтожение или повреждение своего личного имущества исключает уголовную ответственность при условии, что такие действия не совершены общественно опасным способом

и не повлекли тяжких последствий» [46. С. 457].

Следовательно, природа согласия как обстоятельства, исключающего преступность деяния, в данном случае основана на факте осуществления собственником одного из своих правомочий – права распоряжаться своим имуществом по собственному усмотрению.

Однако, как отмечалось, это положение нельзя признать безусловным. Ученые обоснованно считают, что существуют некоторые уголовно-значимые ограничения распоряжения своим имуществом.

Сложным, по мнению А.Н. Игнатова и А.Н. Красикова, является «юридическое решение вопроса об уничтожении особо ценного имущества, имеющего художественное, историческое значение (картины, антиквариат и др.), принадлежащего лицу на праве частной собственности, так как оно имеет и общенациональное значение» [43. С. 337].

Однако, в тех случаях, когда предмет не находится в свободном распоряжении лица, например, библиотеки, имеющей государственное значение, нанесение такого ущерба будет противоправным.

То, что имущество не должно относиться к историческим, культурным и другим памятникам, обладающим особым правовым статусом, отмечает и А.Н. Сумачев [67. С. 136].

Уголовный кодекс РФ, в свою очередь, вводит запрет на уничтожение и повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ).

На наш взгляд, ограничения, связанные с видом имущества, на уничтожение (повреждение), которого дается согласие «потерпевшего», вполне допустимы при условии, что они законодательно закреплены или регламентированы в правоустанавливающем документе (например, договор купли-продажи имущества, имеющего особую историческую ценность).

2) Здоровье

В свободном распоряжение каждого находится его здоровье. Если бы это было не так, государство должно было установить уголовную ответственность за нанесение вреда своему здоровью.

Мы не согласны с большинством авторов, одни из которых признают ответственность за причинение любого вреда здоровью (С.В. Бородин, Л.Л. Кругликов), другие – только тяжкого (А.А. Жижиленко, Э.Я. Немировский, И.И. Слуцкий), третьи – тяжкого и средней тяжести (А.В. Иващенко, Т.В. Кондращова, А.И. Санталов, А.В. Сумачев), четвертые – любого, кроме легкого (Ю.М. Ткачевский).

Еще И.А. Фойницкий отмечал, что «повреждение, нанесенное с согласия пострадавшего, не преступны, ибо отказ от блага телесной неприкосновенности возможен» [76. С. 248].

Того же мнения придерживался А.А. Жижиленко, что «согласие потерпевшего, на причинение ему телесных повреждений полностью исключает противоправность деяния независимости от целей совершения» [35. С. 35].

Мы не согласны только с последним положением. Если согласие дано на причинение вреда своему здоровью для совершения преступления, такое согласие не освобождает от уголовной ответственности лицо, причинившее вред здоровью потерпевшему. Например, лицо отрубает ногу своему товарищу с его согласия, чтобы того не призвали в армию.

Еще один вопрос регламентируется ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: «Информационное добровольное согласие на медицинское вмешательство и на отказ от медицинского вмешательства» [17. Ст. 20].

3) Смерть

Среди основных прав человека наиболее важным является право на жизнь. Было точно подмечено: «Право на жизнь имеет несколько аспектов, в том числе право на сохранение жизни и право на распоряжение жизнью» [40. С. 43].

Но жизнь человека – высшая ценность в обществе. Потерпевший может попросить приятеля или нанять наемного убийцу для лишения собственной жизни из-за несчастной любви, ссоры с женой, неурядиц на работе и многого другого. Поэтому мы признаем согласие на лишение жизни только при эвтаназии. Эвтаназия в пере-

воде с греческого означает счастливая, легкая смерть. В современной трактовке эвтаназию связывают только с лишением жизни неизлечимо больного с его согласия врачом в целях облегчения страданий такого пациента [77. С. 62].

Для признания эвтаназии должны быть соблюдены следующие условия:

1) должна быть создана специальная комиссия, состоящая из лучших специалистов в области заболевания больного, которая должна решить, может выжить этот больной, и только при отрицательном заключении возможна эвтаназия;

2) должно быть добровольное согласие больного на эвтаназию, а если он находится в бессознательном состоянии – его родственников.

Многие страны уже признали эвтаназию: Бельгия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Швейцария, многие штаты США и др. И этот процесс продолжается.

Статья 48. Исполнение задания правоохранительных органов

1. Не является преступлением вынужденное причинение вреда правоохранительным интересам лицом, внедренным в организованную группу либо преступную организацию, которое в соответствии с законом выполняло специальной задание с целью предупреждения либо раскрытия их преступной деятельности.

2. При причинении смерти лицо освобождается от уголовной ответственности только в том случае, если другой возможности избежать этого не было, и этот человек все равно был бы убит другими членами преступной группировки.

3. Внедренное лицо не освобождается от уголовной ответственности при убийстве нескольких лиц, создания экологической катастрофы или общественного бедствия.

Подобная норма содержится в Уголовных кодексах Украины [13. С. 43], Беларуси [7. Ст. 38], Литвы [6. С. 32], Казахстана [8. Ст. 34-1].

Мы предлагаем более мягкие условия освобождения от уголовной ответственности внедренных агентов, так как они рискуют жизнью.

Законом Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривается «оперативное внедрение» [15. Ст. 16]. Последнее предполагает проникновение в преступную среду, в том числе и в организованные преступные формирования, оперативных сотрудников или лиц, конфиденциально содействующих органам, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность с целью выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Важнейшим аспектом, обеспечивающим безопасную деятельность лиц, внедренных в преступные формирования, является их всесторонняя правовая защита, особенно в случаях, когда им приходится совершать неправомерные, в том числе преступные, деяния, чтобы не быть раскрытыми членами указанных формирований [57. С. 167].

В Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» не указывается, какой тяжести вред может быть причинен правоохраняемым интересам.

Мы считаем, что внедренный агент может быть освобожден от любых преступлений, за исключением нескольких убийств, создания экологической катастрофы или общественного бедствия.

Статья 49. Незнание закона

1. Каждое лицо, достигшее 14-летнего возраста, обязано знать опубликованный уголовный закон. Для этого при получении паспорта ему вручается Уголовный кодекс. Остальным лицам старше этого возраста Уголовный кодекс высылается на домашний адрес. Все изменения, внесенные в Уголовный кодекс, также высылаются всем лицам, проживающим постоянно на территории Российской Федерации.

2. Ссылка на незнание уголовного закона не освобождает от уголовной ответственности.

Мы предлагаем включить в обстоя-

тельства, исключающие преступность деяния новое обстоятельство, которого нет ни в одном Уголовном кодексе (по крайней мере, мы его не встретили) – незнание закона.

Существующее в настоящее время положение «незнание закона не освобождает от уголовной ответственности» противоречит логике и здравому смыслу. У нас в год применяется не один десяток новых уголовных законов. Уследить за всеми не под силу даже квалифицированным юристам. А мы хотим этого от обычных граждан.

Еще в Уголовном Уложении 1903 года указывалось: «Неведение обстоятельства, коим обусловливается преступность деяния … устраняет вменение в вину самого деяния» [55. Ст. 43].

В самом деле, наш опрос студентов 5-го курса юридического факультета ЛГУ имени А.С. Пушкина подтвердил, что более 50 процентов опрошенных не знают основных положений Уголовного кодекса, а более 70 процентов – существующих преступлений.

Кто, например, из вас, читателей, знает, что уголовными преступлениями являются: убийство вора при краже (ст. 105 УК РФ), доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), половое сношение с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 134 УК РФ), а за показ порнографической картинки мальчику или девочке обвиняемый наказывается до 20 лет лишения свободы, а мальчику и девочке – до 25 лет (примечание к ст. 131 УК РФ), рассказ всей группе информации, узнанной по секрету, что одна студентка встречается с другим студентом (ст. 137 УК РФ), прочтение письма, адресованного мужу, его женой (ст. 136 УК РФ), использование даже игрушечного говорящего медведя (ст. 138.1 УК РФ), заход соседки без разрешения в чужую комнату (ст. 139 УК РФ), отказ должностного лица в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ), отказ в приеме на работу беременной женщины (ст. 145 УК РФ), даже частичная невыплата зарплаты свыше 3-х месяцев (ст. 145.1 УК РФ), списывание диплома студентом с другого диплома (ст. 146 УК РФ), неоднократная выпивка с несовершеннолетним (ст. 151 УК РФ), неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст.156 УК РФ), присвоение найденного кошелька (примечание к ст. 158 УК РФ и многие-многие другие.

Если посчитать, то каждый из нас совершает за свою жизнь по меньшей мере 30–40 преступлений.

При отсутствии данной статьи должно быть лишено свободы все взрослое население страны.

Некоторые термины, использованные в данной главе

1. Наличность посягательства при задержании означает применение насильственных мер к задерживаемому.

2. Преступником при задержании считается не только лицо, признанное таковым по приговору суда, но и лицо, непосредственно совершившее преступление, в отношении которого не истекли сроки давности.

3. Преступность посягательства при задержании – совершение задерживаемым именно преступления, а не гражданского, административного или дисциплинарного правонарушения.

4. Причинение вреда преступнику при его задержании – действия, состоящие в нанесении вреда лицу, совершившему преступление, в целях доставления его в органы власти и недопущения совершения им новых преступлений.

5. Условия правомерности причинения вреда преступнику при его задержании – условия, при которых нанесение вреда преступнику при задержании признается правомерным.

6. Наличность задержания означает время применения насильственных мер к задерживаемому.

7. Возможность задержания означает возможность причинения вреда преступнику при стремлении его избежать задержания.

8. Допустимость причинения вреда – это возможность причинения вреда только самому задерживаемому, его лич-

ности или имуществу.

9. Вынужденность причинения вреда при задержании преступника означает, что никаким иным способом нельзя задержать преступника и причинение вреда является единственным средством достижения цели.

10. Соразмерность причинения вреда означает соответствие тяжести причиненного вреда тяжести совершенного преступления, обстановке задержания и личности преступника.

11. Превышение мер задержания – их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред.

12. Крайняя необходимость заключается в причинении вреда правоохраняемым интересам государству, обществу, личности для предотвращения еще большого вреда, угрожающего этим интересам

13. Общественная опасность правоохраняемым интересам, причиняемая в состоянии крайней необходимости – действия для защиты любого правоохраняемого интереса от любого источника опасности.

14. Действительность (реальность) опасности при крайней необходимости – действительная (реальная) опасность, а не мнимая, в воображении человека

15. Неотвратимость опасности при крайней необходимости – опасность причинения вреда при крайней необходимости должна быть неотвратимой, то есть без вмешательства сама по себе миновать не может.

16. Допустимость причинения вреда при крайней необходимости – когда вред может причиняться не только посягающему или другим источникам опасности, но и третьим лицам.

17. Вынужденность причинения вреда при крайней необходимости – означает невозможность устранить опасность другими средствами.

18. Уменьшительность вреда означает, что причиненный вред должен быть менее значительны, чем предотвращенный.

19. Превышением пределов крайней необходимости будет причинение равного или более значительного вреда, чем предотвращенный.

20. Принуждение – воздействие на другого человека, осуществляемое с целью заставить его сделать что-то против его воли.

21. Физическое принуждение – насильственное внешнее воздействие на организм человека или лишение его возможности передвигаться в пространстве (истязание, пытки, связывание, принудительна принудительная изоляция и т.п.), осуществляемое с целью заставить его против воли действовать (бездействовать) определенным образом, выгодным для принуждаемого.

22. Психическое принуждение – это угроза применения физического насилия, причинения материального или морального ущерба, которая носит конкретный, реальный характер и может быть немедленного исполнена.

23. Обоснованный риск – стремление достичь общественно полезную цель путем поставления в опасность охраняемых законом интересов.

24. Согласие потерпевшего – добровольное разрешение на причинение ему вреда, выраженное дееспособным лицом, до начала совершения преступных действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс РФ. М.: Кодекс, 2018. 320 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. М.: Кодекс, 2018. 222 с.

3. Закон об уголовном праве Израиля. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 426 с.

4. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 568 с.

5. Уголовный кодекс Латвийской Республики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 316 с.

6. Уголовный кодекс Литовской Республики. СПб.: Юридический центр

Пресс, 2002. 470 с.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 478 с.

8. Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 478 с.

9. Уголовный кодекс Республики Корея. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 290 с.

10. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 322 с.

11. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 448 с.

12. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 352 с.

13. Уголовный кодекс Украины. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 393 с.

14. Уголовный кодекс ФРГ. СПб.: Уголовный Юридический центр Пресс, 2003. 574 с.

15. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 06.07.2016 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33.

16. Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции». М.: Рид Групп, 2018. 78 с.

17. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Сборник основных федеральных законов РФ. М.: Кодекс, 2018. 765 с.

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

19. Отказной материал отдела дознания 37 о/п Василеостровского района г. Санкт-Петербурга за 2018 год.

20. Отказной материал отдела дознания 2 о/п Административного района г. Санкт-Петербурга за 2018 год.

21. Дело Шувалова // Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам (1971–1979 гг.) / сост. Е.А. Смоленцев. М.: Известия, 1981. 992 с.

22. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / отв. ред. С.И. Улезько, М.Б. Смоленский. Ростов н/Д: МарТ, 2002. 1248 с.

23. Комментарий к УК РФ / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. М.: Юрайт, 2018. 334 с.

24. *Альгин А.П.* Риск и его роль в обществе. М.: Мысль, 187 с.

25. *Арямов А.А., Якуньков М.А.* Вопросы теории и практики применения институтов необходимой обороны, крайней необходимости и причинение вреда при его задержании преступление. Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 2004. 208 с.

26. *Бердичевский Ф.Ю.* Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушения профессиональных обязанностей. М.: Юрид. лит., 1970. 128 с.

27. *Беспалов Г.* Можно ли оправдать людоедство? // Невыдуманные истории. 2016. № 21. 40 с.

28. *Благов Е.В.* Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть). Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2008. 304 с.

29. *Бойко А.И.* Преступное бездействие. СПб.: Изд. Юридический центр Пресс, 2003. 320 с.

30. *Бунин О.Ю.* Научно-критический комментарий к Общей части УК РФ. М.: Филинъ, 2017. 210 с.

31. *Вронский А.* Тайна гибели подлодки «Комсомолец» // Комсомольская правда. 2012. 7 апреля.

32. *Глушков В.А.* Проблемы уголовной ответственности за общественно опасные деяния в сфере медицинского обслуживания: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Киев, 1990. 40 с.

33. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4. М.: Рипол классик, 2006. 669 с.

34. *Домахин С.А.* Крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат. 1955. 79 с.

35. *Жижиленко А.А.* Преступления против личности. М.: Изд-во ГИЗ, 1927. 140 с.

36. *Зубова Л.В.* Стоимость, уровень рисков и рискоустойчивость предпринимательских структур: понятия, показатели, оценка // Бизнес в законе. 2011. № 5. С. 212-215.

37. *Кабышев О.* Правомерность предпринимательского риска // Хозяйство и право. 1994. № 3. С. 46-60.

38. *Каплунов А.И., Милюков С.Ф.* Применение и использование огнестрельного оружия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 364 с.

39. *Кибальник А.Г.* Обоснованный риск в медицинской деятельности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3. С. 64–73.

40. *Коваленко С.Э.* Смерть – естественное право? // Актуальные проблемы юриспруденции: межвуз. сб. науч. ст. Вып. 4. Тюмень, 1999. С. 39–43.

41. *Корецкий Д.* Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. 2003. № 1. С. 112–114.

42. *Красиков А.Н.* Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 1976. 120 с.

43. Курс Российского уголовного права: В 2-х т. Т. 1 / под ред. А.Н. Игнатова, А.Н. Красикова. Общая часть. М.: Норма. 2000. 639 с.

44. Курс советского уголовного права. В 5-ти т. Ч. Общая. Т. 1 / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 647 с.

45. Курс советского уголовного права. В 6-ти т. Т. 1 / под ред. А.А. Пионтковского. М.: Наука, 1970. 516 с.

46. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. 712 с.

47. *Куц Н.Т.*Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву. Киев, 1963. 96 с.

48. *Лопашенко Н.А.* О проекте нового УК РФ (в порядке инициировании дискуссии) // Библиотеке уголовного права и криминологии. 2016. № 6. С. 7–19.

49. *Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О.* Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть. Проект // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 6. С. 18-59.

50. *Ляпунов Ю.И.* Реформа уголовного законодательства и пробелы права // Советская юстиция.1989. № 2. С. 31–33.

51. *Меликов С.Ю.* Предпринимательский и профессиональный риски в контексте халатности управленческих субъектов // Вестн. Томского гос. Ун-та. 2011. № 347. С. 106–109.

52. *Милюков С.Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. 280 с.

53. *Назаренко Г.В.* Актуальность и практическая ценность // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 165–168.

54. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М.: БЕК, 1996. 560 с.

55. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: Изд. В.П. Анисимова, 1903. 250 с.

56. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 100000 слов и фразеологических выражений. М.: Оникс-ЛИТМир и Образование, 2018. 1376 с.

57. *Орехов В.В.* Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 217 с.

58. *Павлов Н.В.* Обоснованный риск в медицинской деятельности // Вестник московского университета. Серия 11: Право. 2006. № 3. С. 73-83.

59. Понятия и термины в уголовном праве России. Общая и Особенная части / отв. ред. А.И. Чучаев, Е.В. Лошенкова. М.: КОНТРАКТ, 2014. 320 с.

60. *Расторопов С.* Уголовно-правовое значение согласия на причинение вреда своему здоровью // Законность. 2003. № 10. С. 45–47.

61. *Савин С.С.* Анализ и оценка риска // Вестн. Российского эк. ун-та им. Г.В. Плеханова. 2006. № 3. С. 96–104.

62. *Сергиевский Н.Д.* Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. СПб.: Изд-во М.М. Стасюлевича, 1913. 424 с.

63. *Серова А.В.* Профессиональный

риск медицинских работников как вид обоснованного риска: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 22 с.

64. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1961.

65. *Собчак А.А.* О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Правоведение. 1968. № 1. С. 49–57.

66. Советское уголовное право. Общая часть / под ред.: Г.А. Кригера, Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского. М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. 368 с.

67. *Сумачев А.Н.* Публичность и диспозитивность в уголовном праве. М.: Юрист, 2003. 331 с.

68. *Суровая М.* Дикий случай // Вот это истории! 2016. № 6. 46 с.

69. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. В 2-х т. Т. 1. Часть Общая. М.: Наука, 1994. 380 с.

70. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. 1. СПб.: Изд-во Гос. Тип., 1902. 823 с.

71. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1938. 976 с.

72. *Турецкий Н.Н.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния по уголовному законодательству Казахстана. Алматы: Жетіжаргы, 2005. 232 с.

73. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Изд-во. ЗЕРЦАЛО-М, 2004. 752 с.

74. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. О.В. Ведерниковой, С.В. Никулина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 466 с.

75. Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.Э. Жалинский. М.: ЭКСМО, 2005. 1088 с.

76. *Фойницкий И.А.* Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства на личность и имущество. СПб.: Изд-во М.М. Стасюлевича, 1890. 231 с.

77. *Фут Ф.*Эвтаназия // Философские науки. 1990. № 6. С.63-80.

78. *Шуберт Л.* Об общественной опасности преступного деяния. М.: Госюриздат, 1960. 239 с.

79. Энциклопедия уголовного права / отв. ред. В.Б. Малинин. В 36-ти т. Т. 7. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб.: Изд-во проф. Малинина–СПб ГКА, 2014. 772 с.